

Семья Фэн в Имперской столице считалась состоятельными торговцами, имеющими определенный вес, но не более того. Перед генералом Фэн Нянем им оставалось лишь склонить головы и молчать.

Линь Чао помнил, как после его слов представители семьи Фэн с подобострастным видом пообещали, что обязательно призовут к ответу братьев Фэн Лухуа. Позже до него дошли слухи, что обоих братьев срочно выслали из столицы.

Реакция семьи Фэн была, пожалуй, излишне бурной, но Линь Чао догадывался, что они, вероятно, испугались гнева Шэнь Чжинаня. Боясь как последствий от столкновения с альфой, стоящим за спиной Шэнь Чжинаня, так и мести со стороны Фэн Няня, они решили просто убрать зачинщиков подальше от столицы.

Кто же этот альфа, поддерживающий Шэнь Чжинаня? Неужели Цзян Мэншань?

Линь Чао действительно слышал подобные сплетни.

Фэн Нянь был блестящим молодым генералом империи с огромными заслугами и радужными перспективами, а Цзян Мэншань — министром Военного ведомства и командиром личной гвардии, наиболее приближенным к императору человеком.

Если говорить о знатности происхождения и статусе, Цзян Мэншань, несомненно, стоял на ступень выше Фэн Няня. Однако такой человек, как Цзян Мэншань, всегда был холоден, словно лишенный чувств биоробот, и трудно было представить, что он мог заинтересоваться омегой другого альфы.

И все же, если в империи и нашелся альфа, осмелившийся бросить вызов Фэн Няню, то Цзян Мэншань был наиболее вероятным кандидатом.

Линь Чао заподозрил его не на пустом месте — все дело было в странном поведении Фэн Няня в последнее время. Раньше они с Цзян Мэншанем почти не пересекались, ограничиваясь лишь вежливыми кивками при встрече, и друзьями их назвать было нельзя. Но за эту неделю Фэн Нянь уже второй раз приходил в Военное ведомство, чтобы выпить с ним чаю.

Линь Чао заметил эту странность, и сам Цзян Мэншань не мог этого не заметить.

— Давайте сразу к делу, генерал Фэн.

Если в прошлый раз это чаепитие можно было списать на формальную рабочую беседу, то, когда тебя приглашают второй раз за неделю, даже такой невозмутимый человек, как Цзян Мэншань, понимал: Фэн Нянь пришел не просто так.

Цзян Мэншань решил, что речь пойдет о том красивом и несчастном омеге. Фэн Нянь действительно упомянул имя омеги, но совсем не того, о ком подумал министр.

— Что касается Цзян Юэин, не знает ли министр Цзян, каковы ваши планы на ее счет? Я знаю, что Юэин не из основной ветви семьи Цзян, а ее родители давно скончались, но ведь она все же принадлежит к вашему роду.

Фэн Нянь сидел напротив Цзян Мэншаня, слегка сжимая пальцами край чайной чашки.

— Она для вас так важна? — спросил в ответ Цзян Мэншань.

Фэн Нянь на мгновение замер, а затем спокойно ответил:

— Мы выросли вместе. Думаю, министру Цзяну это должно быть хоть немного известно...

— Нет, мне это неизвестно. Я не интересуюсь делами других людей. А что касается Цзян Юэин, если у нее нет крова, семья Цзян может приютить ее, — перебил его Цзян Мэншань. Он действительно был равнодушен к отношениям Фэн Няня и Цзян Юэин.

Цзян Мэншань так и не притронулся к чашке. Он выглядел спокойным и холодным, не проявляя ни малейшего интереса к предмету разговора.

Фэн Нянь, не обращая внимания на его тон, продолжал:

— Теперь, когда у нее не осталось семьи, а муж скончался, ей, беременной и одинокой, нелегко выжить в столице. У нее могла бы быть лучшая жизнь, если бы не мои отношения с Шэнь Чжинанем, из-за которых ее вынудили выйти замуж в далекие края.

— Генерал Фэн, вы считаете, что это Шэнь Чжинань разрушил вашу любовь с Цзян Юэин? Прошу прощения за прямоту, я не в курсе ваших любовных драм, но сейчас вы оба свободны. Если чувства еще живы, вы вполне можете снова быть вместе, — Цзян Мэншань поднялся и посмотрел сверху вниз на сидящего напротив Фэн Няня. — Но если вы хотите обсуждать со мной именно это, прошу прощения, я не могу поддержать беседу. Эти дела не имеют ко мне никакого отношения.

Фэн Нянь тут же вскочил со своего места:

— Я приютил Юэин исключительно из чувства вины и ради нашей давней дружбы!

— Хм, — Цзян Мэншань, казалось, одним взглядом давал понять: и что мне с того?

Фэн Нянь сжал пальцы и сделал шаг вперед, преграждая путь министру:

— А как насчет вас? По какой причине министр Цзян приютил Шэнь Чжинаня?

Разговор, как ни крути, снова вернулся к этому несчастному и красивому омеге.

Цзян Мэншань промолчал. В его памяти всплыло выражение лица Шэнь Чжинаня, когда тот сходил с летательного аппарата — это была улыбка, полная разбитых надежд.

— Насколько мне известно, после того как Шэнь Чжинань покинул резиденцию генерала, он сел в ваш аппарат, — Фэн Нянь не сводил глаз с Цзян Мэншаня. — А когда он был в трущобах, именно вы помогли ему найти меня. Никогда раньше я не замечал, чтобы министр Цзян, ко всему безразличный, проявлял такую заботу об омеге другого альфы.

В словах сквозило обвинение в том, что Цзян Мэншань злонамеренно увез омегу.

— Генерал Фэн считает Цзян Юэин несчастным омегой, поэтому приютил ее, — голос Цзян Мэншаня оставался холодным, словно он обсуждал погоду. — Я тоже считаю Шэнь Чжинаня несчастным омегой, который не смог найти своего альфу в трущобах, и просто помог ему по доброте душевной.

Цзян Мэншань догадался, в чем причина беспокойства Фэн Няня: тот решил, что это он похитил Шэнь Чжинаня.

— Вы можете помогать омеге, которого считаете несчастным, и я могу делать то же самое, — Цзян Мэншань проигнорировал помрачневшее лицо генерала и добавил: — И еще кое-что. Я должен напомнить вам: брак Цзян Юэин не был принудительным. Никто не заставлял ее уезжать.

Фэн Нянь нахмурился:

— Что вы имеете в виду?

Цзян Мэншань сделал шаг вперед и проговорил, стоя рядом с ним:

— В то время она была беременна от женатого альфы. Поиск мужа за пределами столицы был единственным способом родить ребенка и сохранить репутацию — как свою, так и того альфы.

— Это невозможно! Вы лжете! — руки Фэн Няня, опущенные вдоль тела, сжались в кулаки. Он не хотел верить словам министра. — Ее вынудили уехать из столицы, потому что семья Шэнь Чжинаня подстроила ловушку, чтобы опорочить ее честь...

— Правда это или ложь — вы ведь можете выяснить сами, не так ли? — Цзян Мэншань назвал имя: — Генерал-лейтенант Хиггс. Вы должны быть с ним знакомы.

Цзян Мэншань решительно направился к выходу, так и не притронувшись к чаю.

Истина была лишь одна, и она всегда ждала, когда ее обнаружат. С положением и способностями Фэн Няня разоблачить столь неумелую ложь не составило бы труда. Но почему же правда оставалась скрытой столько лет? Причина была до смешного проста.

Все дело было в доверии.

Из-за доверия достаточно было пролить несколько слез, чтобы легко внушить человеку ложь, превратив ее в незыблемую истину на долгие годы. А из-за отсутствия доверия, как бы человек ни умолял и ни пытался доказать свою невиновность, он не мог добиться ни капли веры от того, кого любил.

Верил ли он лжи Цзян Юэин с самого начала, тем самым усиливая ненависть и недопонимание в отношении Шэнь Чжинаня? Или же он подсознательно знал, что слова Цзян Юэин сомнительны, но все равно использовал их как клетку, чтобы удержать Шэнь Чжинаня, и когда тот попросил о разводе, высокомерно обрезал его крылья, прикрываясь искуплением грехов?

А если слова Цзян Юэин с самого начала были ложью, не превратилось ли все то, во что он так свято верил, чтобы привязать к себе Шэнь Чжинаня, в посмешище?

Ледяная волна пробежала по сосудам Фэн Няня, поднимаясь к самой голове. Его конечности онемели, словно скованные морозом.

Течет ли еще кровь в его жилах? Или она уже застыла?

Почему стало так трудно дышать? словно что-то тяжелое навалилось на грудь — то ли огромный валун, то ли острое лезвие. Необъяснимая тяжесть и тупая боль начали распространяться по всему телу.

— Генерал, с вами все в порядке? — тихо спросил секретарь Линь Чао.

Поскольку Фэн Нянь долго не выходил после ухода Цзян Мэншаня, Линь Чао заглянул внутрь и увидел, что тот стоит неподвижно. Лицо генерала было неестественно бледным, и хотя выражение лица оставалось таким же холодным, как всегда, в нем промелькнуло что-то иное. Но что именно — Линь Чао не мог понять.

Фэн Нянь медленно опустился в кресло, его губы дрогнули, и он произнес лишь несколько слов:

— Проверь связь между Цзян Юэин и генерал-лейтенантом Хиггсом.

Сердце Линь Чао дрогнуло. Цзян Юэин была подругой детства Фэн Няня, и с момента возвращения в столицу он всегда заботился о ней, хотя между ними никогда не было ничего предосудительного. Однако в глазах окружающих она значила для него гораздо больше, чем

Шэнь Чжинань.

Что же касается генерал-лейтенанта Хиггса, то, в отличие от Фэн Няня, пробившегося с самых низов, он принадлежал к старой аристократии столицы. Хотя его способности уступали способностям Фэн Няня, его влияние в столице нельзя было недооценивать.

Может ли между Цзян Юэин и Хиггсом существовать какая-то связь?

Покинув Военное ведомство, Цзян Мэншань по привычке сел в летательный аппарат и направился к Императорскому дворцу, парящему в вышине.

Фэн Нянь внезапно пригласил его на чай, разговор зашел от Цзян Юэин к Шэнь Чжинаню... Цзян Мэншань не ошибся: Фэн Нянь пытался выведать информацию о том красивом омеге, хотя и не хотел в этом признаваться.

Будучи сторонним наблюдателем, Цзян Мэншань не считал нужным давать оценки, но наблюдать за поведением каждого участника этой драмы было довольно любопытно. Особенно его забавляло, как Фэн Нянь проявлял внимание к Шэнь Чжинаню, сам того не осознавая. Цзян Мэншань с нетерпением ждал дня, когда правда вскроется, чтобы увидеть реакцию генерала.

Он поднял голову, глядя на дворец. Отношения между Шэнь Чжинанем и Его Величеством Хуа Цяньшуанем пока держались в секрете. Впрочем, это нельзя было назвать тайной, которую нельзя открыть. Для всемогущего императора не имело значения, чьей женой когда-то был омега, и не было нужды скрывать это. Просто никто не осмеливался раньше времени объявлять на весь мир, что альфа, умыкнувший омегу из-под носа Фэн Няня, — их император.

Рано или поздно это станет достоянием общественности, не хватало лишь подходящего случая.

Если император обещал омеге статус императрицы, то Шэнь Чжинань непременно станет императрицей империи, чтобы подарить своему государю наследников.

Прибыв во дворец, Цзян Мэншань по привычке направился в главный зал, но ему сообщили, что Его Величество сейчас не там.

— Его Величество отправился во дворец Лючиюнь. Если министру Цзяну нужно найти его, прошу проследовать туда.

Дворец Лючиюнь за сто с лишним лет своего существования, будучи ближайшим к покоям императора, всегда пустовал. Однако недавно ситуация изменилась: дворец обрел своего первого — и, скорее всего, единственного — хозяина.

У прекрасного омеги были редкие изумрудные глаза. Вернувшись из столицы во дворец, Шэнь

Чжинань проводил все время в своих покоях. Он уже облазил весь свой новый дом, и даже если просто не спеша обойти дворец и сад, уходило полдня.

Когда остаешься один, в голову лезут всякие мысли.

Он никого не знал ни в столице, ни во дворце. Две служанки, приставленные к нему Хуа Цяньшуанем, были искусными воинами, но крайне молчаливыми; на вопросы Шэнь Чжинаня они отвечали односложно.

Ему очень хотелось с кем-нибудь поговорить, но он не знал с кем. В итоге ему оставалось лишь беседовать со своим зверем-спутником — маленьким белым голубем — или слушать сплетни, которые тот собирал по всему дворцу.

Слухи о нем, брошенной жене, внезапно утихли. Еще недавно многие ждали возможности посмеяться над ним, гадая, кто же тот альфа, с которым он изменил, но теперь об этом почти не говорили. Хотя он не знал, прошла ли мода на эти сплетни или причина была в другом, это принесло Шэнь Чжинаню некоторое облегчение.

Белый голубь принес свежие новости из столицы: теперь людей больше интересовал предстоящий Турнир боевых искусств.

Турнир проводился раз в три года, без ограничений по полу, но из-за физического превосходства альф более девяноста процентов прошедших отбор были именно они. Победители не только получали внушительный денежный приз, но и удостоивались чести быть лично принятыми императором.

Турниры прошлых лет всегда привлекали внимание, но этот вызвал небывалый ажиотаж: в объявлении говорилось, что награды победителям вручит не только император, но и императрица.

— О чем задумался? — внезапно раздался позади голос Хуа Цяньшуаня.

— Ваше Величество? — Шэнь Чжинань в испуге вскочил.

Новость о Турнире боевых искусств все еще была открыта на голографическом экране, и Шэнь Чжинань не успел ее убраться до прихода Хуа Цяньшуаня.

Под новостью бежали комментарии жителей империи, и в этом году главным предметом обсуждения было слово императрица, появившееся в конце объявления.

Чем короче новость, тем она важнее.

— Я не ослышался? Императрица? У нас будет императрица?

— Разве об этом можно говорить? Кажется, это впервые в истории, да?

— Интересно, кто же станет императрицей...

Обсуждения внизу были довольно сдержанными, хотя Шэнь Чжинань догадывался, что более острые дискуссии просто удалялись модераторами. Галактическая Империя не была тиранией, но те, у кого хватало смелости на провокационные высказывания, явно искали неприятностей на свою голову.

— В прошлые годы я лично встречался с призерами турнира и вручал им награды. В этом году, раз уж ты стал моей императрицей, тебе следует присутствовать на официальных мероприятиях вместе со мной.

Хуа Цяньшуань равнодушно скользнул взглядом по комментариям и перевел его на Шэнь Чжинаня, который выглядел довольно скованно.

Прекрасный омега был подобен бутону цветка. Слегка опущенная голова обнажала полоску белой, изящной шеи, а остальное тело было плотно укутано в изысканные одежды лунно-белого цвета, что придавало ему облик, полный сдержанности.

Альфа сглотнул. Рука Хуа Цяньшуаня мягко легла на затылок Шэнь Чжинаня. Прохладная, гладкая кожа омеги слегка вздрогнула от его прикосновения. Хуа Цяньшуаню это напомнило маленького белого кролика, а выражение лица Шэнь Чжинаня, который украдкой поднял на него глаза, лишь усилило это сходство.

— Твой зверь-спутник — белый голубь? — Хуа Цяньшуань знал, что Шэнь Чжинань его побаивается, но это не мешало ему продолжать ласкать его шею. Это было похоже на хищника, играющего с дрожащим кроликом, в чем-то даже вызывающе.

— Да, Ваше Величество.

Шэнь Чжинань старался сдержать дрожь в голосе. Любой подданный империи невольно чувствовал трепет перед своим верховным правителем. Даже после нескольких моментов близости Шэнь Чжинаню было трудно вести себя естественно перед Хуа Цяньшуанем.

Он все еще не привык к близости с альфой, особенно когда тот своими пальцами нежно потирал кожу у него на шее — в этом жесте было что-то интимное, и Шэнь Чжинаню казалось, что император намеренно дразнит и издевается над ним. Шэнь Чжинань злился. Он чувствовал себя домашним питомцем в руках Хуа Цяньшуаня, и не знал, догадываются ли жители империи, что человек, которого они почитают как бога, наедине с ним — довольно скверный альфа.

— Ты умеешь принимать полузвериную форму? — Хуа Цяньшуаню, похоже, понравилось гладить омегу по шее. Он сел на скамью рядом и, не отнимая руки, утянул его к себе.

Служанки благоразумно удалились, и в роскошном зале остались только они двое.

Шэнь Чжинань, не имея сил и права сопротивляться, оказался прижат к коленям императора, полностью открывая свою незащищенную шею.

— Ваше Величество, я не обладаю такими способностями.

Верхняя часть тела Шэнь Чжинаня покоилась на ногах императора. Он вздрогнул, когда пальцы, скользившие по его шее, опустились ниже. Даже сквозь ткань одежды рука Хуа Цяньшуаня казалась обжигающе горячей.

Ладонь скользила от шеи к спине и остановилась у основания позвоночника. Низкий голос мужчины прозвучал сверху:

— Полузвериная форма напрямую связана со зверем-спутником. Если твой зверь — маленький белый кролик, то в полузвериной форме у тебя, возможно, вырастет пушистый хвостик.

Хуа Цяньшуань слегка помассировал копчик Шэнь Чжинаня, и от этого чересчур интимного жеста омега едва не подпрыгнул.

— Прошу прощения, Ваше Величество, даже в полузвериной форме у меня вряд ли будет хвост, — пробормотал Шэнь Чжинань, в его голосе слышалось недовольство, смешанное с неловкостью.

Хуа Цяньшуань, возможно, понял это, а возможно, и нет. Альфа, делая вид, что ничего особенного не происходит, самым бесцеремонным образом потянулся рукой еще ниже.

Почувствовав, как тело омеги, лежащего у него на коленях, мгновенно напряглось, Хуа Цяньшуань тихо рассмеялся, даже не пытаясь прекратить свое бесстыдное поведение.

— Да? Как жаль.

Хуа Цяньшуань вздохнул, изображая искреннее сожаление.

— Ваше Величество...

Край пояса был слегка приподнят, и горячая ладонь скользнула под одежду, к чувствительному боку. Шэнь Чжинань задрожал, как осиновый лист, из горла вырвался

испуганный, умоляющий стон.

В ответ на просьбу Хуа Цяньшуань лишь сильнее сжал его талию, наслаждаясь тем, как омега содрогается от каждого его движения.

<http://bllate.org/book/21238/2148653>